

**Эффективность административной ссылки
как меры наказания в начале XX века
(по материалам Вологодской губернии)**

В советской исторической литературе рассмотрение вопросов, связанных с пребыванием противников режима в ссылке, служило, главным образом, для героизации тех, кто отважился на борьбу против самодержавия. Под ссылкой, как формой наказания, как правило, подразумевали ухудшение материального положения человека и всеобъемлющий контроль за всеми сторонами его жизни. Вместе с тем конкретного материала по данным сюжетам приводилось не так уж и много, зато большое внимание уделялось тому, как противникам режима удавалось в таких сложных условиях вести антиправительственную борьбу. Дегероизация революционеров в современной исторической и публицистической литературе снизила интерес и к проблемам политической ссылки. Между тем многие вопросы, с нею связанные, до сих пор остаются малоисследованными.

Ссылка, как вид «исправительного наказания», могла быть применена к человеку или по приговору суда, или в административном порядке. Во втором случае решение принималось министром внутренних дел на основании представления местных властей, рассматривавшегося в Особом совещании при министре¹. К месту ссылки человек мог быть или доставлен по этапу, или мог добираться самостоятельно. Зеликсон-Бобровская в своих воспоминаниях описывает, как она, получив срок ссылки, добиралась до Вологды. «...После нескольких месяцев предварительного заключения меня приговорили к ссылке на 4 года в Восточную Сибирь, но, т. к. я была больна, 4 года Сибири заменили 2 годами Вологодской губ. Из-за болезни мне позволили идти не этапом, а ехать на свой счет, но с условием, что на свои деньги я везу также двух шпииков, которые должны меня охранять по дороге и в неприкосновенности сдать на руки вологодскому губернатору. Дяди, охранявшие меня и усердно поедавшие данные мне на дорогу... котлетки, очень обо мне заботились. Один, который попроще, бегал на станциях за кипятком и свежими булками, а другой, посolidнее, занимал меня разговорами и извинялся, что уничтожает мою провизию.

Ранним утром подъехали к Вологде. Выхожу на вокзал и вижу, стоят два старых моих приятеля, отбывавшие ссылку в Вологде: Капитолина Михайловна Русанова и Константин Андреевич Попов, – оба пришли встречать меня. Я так обрадовалась им, что совсем забыла про своих шпииков. Русанова берет вещи и предлагает ехать к ней на квартиру. Но тут встреленулись мои провожатые, подошли и заявили, что к губернатору раньше 10 часов утра нельзя, а до тех пор я арестована и должна остаться на вокзале. Тогда Русанова, не долго думая, предложила шпиикам поехать вместе с нами к ней домой, где тепло и уютно. Шпиики сразу согласились, и мы двинулись.

На квартире у Русановой шпика, напившись вместе с нами кофе, скромно уселись в углу, а мы втроем живо беседовали до 11 часов утра. Затем я отправилась со своими «дядями» в канцелярию губернатора, где они меня сдали под расписку. С этого момента я была, можно сказать, свободна².

Нужно подчеркнуть, что характерное для общества того времени резкое деление на тех, кто относился к привилегированным и непривилегированным слоям, имело место и в ссылке. Даже размеры пособия, которые выплачивало государство лицам, представлявшим различные слои, хотя и незначительные, но отличались.

За человеком, находящимся в ссылке, устанавливался гласный или негласный надзор полиции. Кроме этого, «Положение о полицейском надзоре», принятое еще в 1882 г. устанавливало для ссыльных следующие ограничения: поднадзорному запрещалось отлучаться из назначенной для проживания местности без разрешения местных властей. При перемене квартиры ссыльный обязан был в течение суток информировать об этом местные органы власти. «Положение о полицейском надзоре» разрешало ссыльным временные отлучки из местности, установленной для проживания, но только по уважительной причине и при «хорошем поведении»: 1) в пределах уезда – по разрешению местного исправника; 2) в пределах губернии – по разрешению местного губернатора; 3) в другие губернии – по разрешению министра внутренних дел³. Ссылному был также запрещен целый ряд видов деятельности: 1) «всякая педагогическая деятельность»; 2) «принятие к себе учеников для обучения их искусствам и ремеслам»; 3) «участие в публичных заседаниях ученых обществ»; 4) «участие в публичных сценических представлениях»; 5) «содержание типографий, литографий, фотографий, библиотек для чтения и служба при них в качестве прикащиков»; 6) «торговля книгами и всеми принадлежностями и произведениями тиснения»; 7) «содержание трактирных и питейных заведений, а равно и торговля питиями»; 8) служба в правительственных, общественных и частных учебных заведениях, а также врачебная, акушерская и фармацевтическая практика без разрешения министра внутренних дел⁴.

Но насколько строг был на практике установленный нормативными документами режим, зависело от местных властей. Начальник Вологодского губернского жандармского управления полковник Самарин докладывал командиру корпуса жандармов: «В бытность губернатора Князева установился ненормальный режим касательно политических ссыльных. Оказывая им всевозможные послабления, губернатор даже высказывал желание некоторым чинам губернской администрации и полиции ни в чем не стеснять ссыльных»⁵.

Такая же ситуация имела место и при губернаторе А. А. Лодыженском. Губернатор А. Н. Хвостов, сменивший Лодыженского, имел репутацию очень жесткого администратора. Между тем и в период его губерна-

торства «закручивание гаек» в отношении ссыльных было незначительным. Рассматривая деятельность «колоний» ссыльных начальник ВГЖУ полковник Конисский писал в 1912 г.: «...Они являлись официальными организациями с таким льготным преимуществом, какого не имело даже благонадежное население, как право собирать собрания без представительства полиции. При А. Н. Хвостове даже состоялся в Вологде съезд представителей от колоний ссыльных, сорванный самими же ссыльными... Насколько благоприятны были эти условия для развития в ссылке деятельности в целях революционных партий легко себе представить. Сами ссыльные это время называли «медовым месяцем после революции»⁶.

Мотивы такого «благоволения» многообразны. Это была и, как уже приходилось отмечать, скрытая оппозиция правительству со стороны губернского чиновничества, и своего рода корпоративная помощь людям близких им по социальному положению, и даже определенная чиновничья трусость: выступая против царя и правительства, ссыльные доказали уже свою гражданскую смелость, поэтому лучше закрыть глаза на мелкие нарушения режима и не раздражать их. Вместе с тем было здесь и еще одно важное обстоятельство. Почти все органы местного самоуправления находились в скрытой оппозиции местным властям, поэтому последним, чтобы не навлекать на себя осуждения, совсем ни к чему было постоянно проявлять свою жесткость. Вологодское земство практически открыто демонстрировало свою поддержку ссыльных. Особенно это проявлялось в действиях вологодской губернской земской управы, которую возглавлял В. А. Кудрявый. Судя по тому, что его избирали на эту должность неоднократно, несмотря на определенное противодействие со стороны губернских властей, большая часть гласных губернского земства вполне разделяла его позицию. В. А. Кудрявый в первую очередь помогал ссыльным в получении заработка.

В начале XX в. земская управа проводила в губернии масштабные работы по подворному описанию крестьянских хозяйств, и ссыльные были привлечены к их выполнению в качестве наемной силы: переписчиков, статистиков и пр. Формально такой род деятельности не запрещался. В ст. 21 «Положения о полицейском надзоре» говорилось, что поднадзорные «не могут состоять на государственной или общественной службе, но могут быть допускаемы к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях по найму». Правда, в законе имелась одна важная оговорка: принятие каждого поднадзорного требовало всякий раз специального разрешения министра внутренних дел. Это-то как раз и нарушалось. Но, чтобы формально все выглядело благопристойно, деньги выплачивались неофициально, путем завышения содержания заведующих оценочным и статистическим отделов⁷. Причем губернские власти прекрасно знали об этом, но закрывали на это глаза. Размеры подобных заработков были довольно значительными. Например, один из ссыльных в Великом

Устюге получал в качестве «оценщика земель» до 80 рублей в месяц⁸. Естественно, на подобные работы привлекались только люди с образованием, поэтому подобного рода «помощь» охватывала сравнительно небольшой круг ссыльных: как правило, или профессиональных революционеров, или людей, близко стоящих к партиям.

Земство также являлось каналом, через который распространялась нелегальная литература, в том числе и для ссыльных. Характеризуя прозеровский «Никольский союз учителей по народному образованию», начальник ВГЖУ прямо писал, что «противоправительственная литература распространялась здесь главным образом через посредство Вологодского губернского земства⁹. О взаимоотношениях властей и земства очень ярко свидетельствует один любопытный случай. В мае 1905 г. ВГЖУ проводило расследование по установлению человека, рассылавшего по почте эсеровские прокламации. У жандармов существовало подозрение, что этим занимается один из служащих оценочного статистического отделения. Начальник ВГЖУ обратился к председателю Вологодской губернской земской управы с деликатной просьбой: не поручит ли он кому-либо из своих служащих сличить почерк на конверте с почерком подозреваемого служащего. В ответ начальник ВГЖУ получил резкий ответ: «...Имею честь уведомить, что в круге земских обязанностей нет секретных операций и в законе я не встречаю указаний на то, чтобы в мои обязанности входило давать кому-либо из служащих секретные поручения»¹⁰.

Надзор, устанавливаемый за ссыльными, не являлся непреодолимым препятствием, если они пытались продолжать революционную деятельность. Причем иногда она носила довольно радикальный характер. В 1907–1908 гг. несколько ссыльных буквально терроризировали в течение полугода великоустюгских купцов, вымогая у них деньги. При этом они использовали оружие, достать которое для них, видимо, была не проблема¹¹. Причины своей агрессивности они объясняли по-разному, но наиболее правдоподобной являлась следующая: «следуемое от казны пособие исправником не выдается (ассигновки замедляются), а потому они будут брать с городских торговцев, которых знают, а затем доберутся и до самого исправника»¹². Вологодский полицмейстер В. С. Четыркин писал в своем отчете за 1908 г.: «Некоторые политические ссыльные существуют единственно на получаемые от казны пособие, что действительно далеко не хватает на содержание, а потому готовы идти на совершение разных преступлений, ввиду чего в г. Вологде появились [такие] преступления, как убийства с целью ограбления, вымогательства с угрозой денег, грабежи и совершение крупных краж»¹³. Полиции так и не удалось обнаружить реальных участников вымогательств денег в Великом Устюге, хотя несколько человек были арестованы. Чуть раньше этих событий, 23 августа 1907 г. неизвестный ссыльный прямо на улице стрелял в офицера полицейской стражи штабс-капитана Орлова, ранив его. Покушавшегося не нашли.

Еще более громким было событие, произошедшее в селе Устье Кадниковского уезда. Вот как описывала его газета «Вологодская жизнь» от 14 августа 1909 г. в заметке «Безумный день»: «В среду 12-го августа около 9-ти часов утра тихое село Устье Кадниковского уезда было потрясено небывалым там доселе событием.

В контору «Торгового дома Никуличев с сыновьями», находящуюся на берегу реки... вошло пять человек с криком «руки вверх». Перепуганные служащие конторы метались в разные стороны, причем кассир Н. А. Панов от испуга бросился в окно, но один из нападавших выстрелом в нижнюю часть живота тяжело ранил его; бросился в окно также и конторщик Ал. Пенкин, по которому тоже раздался выстрел, ранивший его легко в руку; но Пенкину удалось благополучно выбраться из конторы. Другой конторщик Молодцов, испугавшись, бросился бежать, но две пули серьезно поранили ему руку.

Бухгалтер конторы И. Н. Костин, после трех выстрелов без чувств упал на пол и когда очнулся, то увидел, что над ним с браунингом в руке стоит один из грабителей, который приказал ему встать и держать руки вверх. Тот, дрожа от страха, повиновался и грабители его обыскали, но ничего у него не взяли, хотя у него были деньги и золотые часы, ибо они искали у него только оружие.

Между тем, успевший выскочить в окно, конторщик Ал. Пенкин побежал к стоявшему у пристани пароходу Никуличева «Николай» звать на помощь команду парохода.

Отчаянные крики Пенкина («бьют, грабят контору, убили кассира») немедленно подняли команду парохода, которая, не зная еще в чем дело и подозревая какое-то столкновение с местными рабочими, стала выходить из трюма, вооружаясь топорами, охотничьими ружьями, машинными инструментами и, вообще, всем, что подвертывалось под руку. Когда узнали в чем дело, то вся команда, приблизительно до 15 человек, направилась в контору, откуда неслись звуки ударов по металлическому ящику.

При приближении команды, тихим шагом с парадного крыльца конторы вышли 5 человек грабителей и, оглянув ограду сада Никуличева, направилась к берегу реки, где стояли лодки». Грабители пытались на лодках переправиться через реку, но за ними погнались на пароходе сам хозяин пароходства и несколько стражников с винтовками. Видя, что им не уйти от погони, грабители высадились на остров посреди реки и стали отстреливаться¹⁴. Далее состоялось целое сражение. Бой продолжался примерно с 10 до 16 часов. Двое грабителей были убиты, остальные сдались. «Из трех сдавшихся, один был ранен в руку стражником, у остальных никаких повреждений не оказалось. Денег похищено из конторы 840 руб[лей], ...возвращено обратно только около 50 руб[лей], остальные деньги, видимо, или нарочно брошены в воду, или обронены... При аресте у грабителей взято следующее оружие: маузер, 3 браунинга, бульдог, «Смит и Вессон»,

2 кинжала. Патронов, видимо, было около тысячи, но значительная часть их была расстреляна, часть разбросана по острову»¹⁵.

Выяснилось, что трое из пяти грабителей были ссыльными: И. Ф. Бабилов, Ф. И. Винокуров, П. В. Иваненко (убит). Бабилов и Иваненко долгое время в качестве ссыльных проживали вместе в д. Филяево недалеко от Кадникова, затем были переведены в Никольск. Инициатором ограбления был Винокуров, который находился в ссылке в Кадникове в то же время, что и Бабилов с Иваненко. Любопытно, что Винокуров был выслан в Вологодскую губернию сроком на 2 года и срок его ссылки считался с 5 сентября 1907 г. Но почему-то 23 июля 1909 г. он уже был освобожден и значился «выбывшим на родину»¹⁶. Но вместо того, чтобы действительно отбыть на родину, он принял участие в ограблении в с. Устье. У Бабилова с Иваненко срок ссылки тоже оканчивался осенью 1909 г., но, не дожидаясь этого, они из ссылки бежали. Все трое собрались в Вологде, где к ним присоединились еще два боевика из эсеров-максималистов, которые привезли оружие. Доехав поездом до станции Морженга, они отправились в с. Устье пешком. Переночевав в лесу, утром появились в селе. Завтракали они в чайной Селянкиной. Тиханичева poslali в качестве разведчика в контору. Тот вернулся и нарисовал план помещения. В 10 часов утра все пятеро уже всходили на крыльцо конторы. Далее известно. Видимо события с самого начала развернулись не так, как они планировали, потому что никакой бумаги они перед служащими не зачитывали, а позднее, как рассказал Винокуров, ее потеряли. Путь отступления они заранее тоже не готовили. Уключины у весел в той лодке, которую они захватили на берегу, оказались сломанными, поэтому, несмотря на определенную фору, которую они имели перед преследователями, они не успели скрыться. Вероятней всего и идея переправиться через реку возникла тоже спонтанно. Иными словами вся экспроприация была сплошной импровизацией.

Но если так вели себя ссыльные в 1908–1909 гг., когда считается, что власти уже взяли под контроль ситуацию в стране, в том числе и в Вологодской губернии, где на посту губернатора находился довольно решительный А. Н. Хвостов, то в период революции 1905–1907 гг. они вообще ничем не были стеснены. Хорошо известно, что в Вологде была создана, под предлогом защиты от погромов, милиция, состоявшая в основном из ссыльных, а Вологодская городская дума вооружила ее. Численность милиции составляла от 150 до 170 человек¹⁷, в то время как численность полиции в г. Вологде по данным на начало 1908 г. составляла всего 90 человек, включая полицмейстера и участковых приставов¹⁸. Ссыльные, если и не были полными хозяевами в городе, то, во всяком случае, их антиправительственные инициативы практически не встречали какого-либо серьезного противодействия со стороны местных властей. Не случайно попытка части ссыльных 1 мая 1906 г. закрыть магазины в Вологде, чтобы весь город принял участие в праздновании дня пролетарской солидарности, встре-

тила противодействие лишь со стороны городских низов, не только разгромивших «гнездо крамольников» – Пушкинский народный дом, но и сделавших попытку разгромить дом городского головы Клушина. В ходе беспорядков пострадал и губернатор, пытавшийся лично остановить стихию.

То, что ссыльные чувствовали себя достаточно свободно не только в губернском городе, но и в уездах, характеризуют сведения из письма ссыльного В. В. Неручева от сентября 1906 г. Он пишет: «Везде, кроме разве Яренска, Сольвычегодска, отношения с администрацией совсем иные. Совершенно игнорируют. Разъезжают [ссылные] (временно или совсем) кому, когда и куда угодно... Считают, удрало не менее 400 душ. В Устюге на многих бежавших получают и по сие еще время кормовые и одежные, т.о. набралось что-то около 600 руб.». И далее: «Интересную штуку проделали грузины из Архангельской губернии. Группа их (душ 11) прослышала, что в России началось восстание, достала где-то винтовки и прочее оружие, пройдя предварительно верст 200 пешком, завладели насильно вагоном на какой-то промежуточной станции и двинулись на Вологду. Навстречу им были отправлены войска, но на счастье они об этом узнали и, не доезжая верст 80 до Вологды, слезли и спрятались в лесу. Их оцепили, но никого не поймали. Они пробыли в лесу около 2-х недель, страшно их заели комары, изголодались, но теперь благополучно с помощью местных [социалистов-]рев[олюционеров] их переправили дальше»¹⁹. Сам В. В. Неручев находился в ссылке в Усть-Сысольске. Губернатором ему был разрешен проезд в Вологду «для свидания с сестрой». Из Усть-Сысольска Неручев выехал 18 июня 1906 г., но, как констатировало ВГЖУ, в Вологду так и не прибыл, т.е. бежал.

Иногда не те, кто находился на воле, снабжали ссыльных оружием, а наоборот. В обзоре о деятельности вологодской группы эсеров начальник ВГЖУ писал, что в Усть-Сысольске ссыльный А. Д. Добромильский изготавливал бомбы и, как свидетельствовали обнаруженные при обыске записки, рассылал их в Москву, Одессу и Петербург²⁰. Не совсем, правда, ясно, как можно было «рассылать» бомбы, даже если это делалось через уезжающих из ссылки. Возможно, в действительности при обыске обнаружили всего лишь взрывчатые вещества или компоненты для них, но принципиально это не меняет существа дела.

Пребывание в ссылке не являлось препятствием для ведения партийной работы. 10 октября 1907 г. в Вологде состоялся губернский съезд Вологодской группы партии социалистов-революционеров. Большинство участников съезда составляли ссыльные. Любопытно, что всем им был разрешен проезд в Вологду, хотя власти знали о цели их приезда²¹.

Нужно признать, что и возможности у властей осуществлять контроль за ссыльными были невелики. Хотя формально этим занимались и жандармы, и местная полиция, но, как признавал сам начальник ВГЖУ, уездные исправники почти ничего не знали о том, чем занимаются ссыльные. «На вопрос о ссылке у исправников стереотипный ответ: «У меня все спокойно».

«...Снаружи все кажется действительно спокойным, внутренняя же жизнь ссыльных для них покрыта мраком неизвестности»²². Конисский, ссылаясь на наличие у него секретной агентуры среди ссыльных, считал, что только ему хорошо известна «внутренняя» жизнь ссылки. Но вряд ли это соответствовало действительности. Как можно понять из сохранившихся документов, в 1912 г. ВГЖУ имело на всю губернию вряд ли более 10 секретных агентов. Учитывая также небольшой штат самого управления, это позволяло получать лишь случайную информацию. Почти постоянное функционирование в уездных городах, где было сосредоточено большинство ссыльных групп самой различной партийной направленности, подтверждает это.

Приведенные факты (а количество их можно увеличить) показывают, что в начале XX в. ссылка, по крайней мере в Вологодскую губернию, как мера борьбы с оппозиционным движением была малоэффективна. Она, судя по всему, не только не выполняла воспитательных функций, как определял закон, но и в очень незначительной степени ограничивала возможности для продолжения участия в антиправительственной борьбе.

Примечания

¹ ПСЗ-3.– Т. 1.– СПб., 1885.– № 350.– С. 266.

² Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке. (Из истории Вологодской политической ссылки. 1893–1914 гг.).– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977.– С. 76–77.

³ ПСЗ-3.– Т. 2.– СПб., 1886.– № 730.– С. 84.

⁴ Там же. С. 85–86.

⁵ Старая Вологда. XII – начало XX вв. Сборник документов и материалов.– Вологда, 2004.– С. 260.

⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 102. Л. 153–154.

⁷ Там же. Л. 261.

⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 387. Л. 87.

⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 35. Л. 62.

¹⁰ Там же. Д. 13. Л. 172.

¹¹ Коновалов Ф.Я. «Посланный вооружен револьвером...». Из истории великоустюгской ссылки // Великий Устюг: краеведческий альманах.– Вологда, 1995.– С. 123–131.

¹² Там же. С. 126.

¹³ Старая Вологда. XII – начало XX вв. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.– С. 273.

¹⁴ Безумный день // Вологодская жизнь. 1909. 14 августа.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 144. Л. 40–41, 45.

¹⁷ Старая Вологда... С. 451.

¹⁸ Старая Вологда. С. 273.

¹⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 40. Л. 8.

²⁰ Там же. Д. 37. Л. 63.

²¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 35. Л. 164–165.

²² ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 102. Л. 153.